

Цзи Е мысленно закатил глаза. Этот учительский состав был каким-то ненормальным: мало того что глава секты — настоящий шутник, так даже внешне холодный и отрешенный наставник отличался редкостной язвительностью, а этот старший братец — суровый с виду, но насквозь фальшивый и надменный... Тьфу ты, просто бродячий цирк какой-то!

— Ай, младший братец, ты просто слишком послушен! Наш старик-наставник слишком заостенел в своих взглядах. Вознесение к бессмертию — это ведь не превращение в настоящих небожителей, питающихся лишь росой и ветром, надо быть ближе к людям, — уговаривал Дун Ли со всем усердием. В конце концов, в отборочном туре народу толчется видимо-невидимо, и неведомо, сколько злонамеренных мерзавцев кроется среди адептов прославленных праведных сект. Своего драгоценного младшего братишку непременно следовало держать при себе.

— Разве наставник старый? Не похоже, — усомнился Цзи Е. Истинные культиваторы не выдают своего возраста, но наставнику на вид едва ли дашь больше тридцати — неужели ему уже несколько тысяч лет?

— То-то и оно! В нашей Секте Хэнью долгая история, а наставника почитают как Бессмертного Преподобного — сейчас ему, пожалуй, наберется по меньшей мере девять сотен лет. — Дун Ли понятия не имел, почему младший братец так озабочен чужими годами. В конце концов, для тех, кто идет путем культивации, дни пролетают, как одно мгновение. — Короче говоря, слушайся старшего брата, и не ошибешься. На этом турнире бессмертных все равно делать нечего, зато в миру как раз приближается Праздник Середины осени. Вот тогда ярмарка фонарей и ночные пейзажи станут поистине живописными — ручаюсь, тебе понравится. Пошли, пошли!

— Разве так можно? — Цзи Е поправил свое длинное фиолетовое платье, чувствуя себя крайне неудобно. — Старший брат, почему я должен переодеваться в женское?

— Будь послушен, младший братец. Вне стен секты нужно вести себя скромно, так что маскировка просто необходима, — Дун Ли не удержался и ущипнул Цзи Е за нежные белые щечки. Его младший братец становился все краше, а в этом фиолетовом шелковом платье выглядел просто невероятно мило... Впрочем, Дун Ли ни за что бы не признался, что такое облачение было призвано удовлетворить некие его собственные, неизъяснимые странные наклонности.

Цзи Е мысленно вздохнул, но напускное выражение наивности с лица не сбросил. Он молча буркнул «угу» и умолк.

Пока Дун Ли любовался своим творением, находя его все более очаровательным, некто по ту сторону зеркала Наблюдения сглотнул всколыхнувшуюся в горле слюну. А Е и впрямь стал куда привлекательнее... С этими мыслями тот стер изображение с гладкой поверхности и погрузился в глубокую медитацию, смертельно боясь, что лишний взгляд приведет к срыву культивации и помрачению рассудка.

Осенняя луна светила вовсю. Дун Ли домчал Цзи Е на летящем мече всего минут за десять, и вскоре впереди замаячили огоньки ночного рынка. Они приземлились в тихом укромном уголке — как раз за одним из переулков, в самом сердце оживленной ярмарки. Углы крыш украшали высоко подвешенные фонари, заливающие всё вокруг мягким светом. Через улицу доносился непрерывный гул голосов, отчего сердце Цзи Е, изначально не проявлявшего особого любопытства, невольно забилось быстрее.

Стоит человеку слишком долго находиться в заточении, как он начинает истово тянуться к свету.

Три переулка сливались воедино, собирая воедино самые яркие огни всего городка. Дун Ли крепко держал за руку своего младшего братца — тьфу ты, теперь уже младшую сестрицу, — и вел его сквозь плотную толпу. По обеим сторонам дороги шумели торговые лотки, предлагая диковинные вещицы, каких не увидишь в будничные дни.

Дун Ли то и дело таскал Цзи Е за собой: то к лавке с бумажными кроликами, то к прилавку с резными рыбками, золотыми шпильками и поясами из белого яшмы... Цзи Е лишь со стороны наблюдал, как его старший братец с самым невозмутимым видом превращал с помощью чар горсть обычных камешков в серебро и бессовестно скупал целые горы подарков, тут же запихивая их ему в руки.

— Младший братец, здешняя еда славится на всю округу! Не стесняйся, угощает старший брат! — бросив трактирщику серебряную монету (на деле оказавшуюся всё тем же простым голышом), они вошли в до отказа забитый ресторанчик и поднялись на второй этаж в отдельный кабинет, по дороге продолжая болтать.

Цзи Е, прижимая к груди ворох разномастных «подарков», хмуро спросил:

— Старший брат, а разве так можно?

Цзи Е имел в виду то обстоятельство, что заклинатель пользуется колдовством ради обмана простых людей — в правилах секты подобные вещи строго-настрого запрещались.

— Расслабься! Если что случится, старший брат прикроет. Ты же не владеешь магией, даже если наставник узнает — ругать не станет, — Дун Ли затащил простодушного младшего братца в отдельную комнату, заказал целый стол яств и распахнул окно, выходящее на улицу. — К тому же я не совсем обманываю: на то серебро наложено заклинание, оно принесет им мир и покой, а за безопасность пара безделушек — вполне справедливая цена.

Цзи Е давно привык к подобным софистикам старшего брата и предпочитал закрывать на них глаза. Он принялся раскладывать огромную гору подарков по категориям.

Полосевой слуга отворил дверь кабинета, собираясь подать блюда, а уходя, протянул им бумажный фонарь — по его словам, его передал какой-то молодой господин с улицы.

Цзи Е растерянно моргнул, а Дун Ли со смешком хлопнул его по плечу:

— А ведь и правда, у моего младшего братца просто неотразимое очарование! На здешнем празднике фонарей есть негласный обычай: если юноша приметит девушку, то может подарить ей фонарик, а заодно назначить встречу у реки. Если барышня тоже не против, она приходит под ивы на берегу.

Цзи Е проследил взглядом, как Дун Ли с привычным мастерством извлек из фитиля фонаря свернутую записку.

— Давай-ка глянем, какой это поклонник с первого взгляда влюбился в нашего А Е? — улыбаясь, Дун Ли развернул записку.

— Зеленеют твои одежды, тоскует по тебе мое сердце. Хотя я и не пришел, неужели ты не ответишь весточкой? Плаю страстью неизъяснимой, жду у девятой плакучей ивы на речном берегу в третью стражу.

— Зеленеют твои одежды, тоскует мое сердце? — тихонько повторил Цзи Е строчки из древней песни. Ему казалось, будто в глубинах памяти кто-то уже произносил эти слова, но вспомнить обладателя голоса не получалось. Цзи Е вдруг почувствовал странное любопытство к этому незнакомцу и заколебался: стоит ли пойти взглянуть?

— Ого, да это не какой-нибудь повеса, а заумный книгочей! И стихи сочинил неплохие. Жаль только, что наше А Е — парень, ха-ха! Ешь давай, ешь.

Дун Ли совершенно не принял это происшествие всерьез, обратив всё в шутку.

После ужина Дун Ли, не желавший возвращаться домой, продолжил таскать Цзи Е по торговым рядам. Проходя мимо одной из лавок с украшениями, Цзи Е вдруг замер на месте. Дун Ли бросил беглый взгляд на прилавок: товары там казались слишком дешевыми и грубыми, разве они достойны А Е? Он мягко потянул Цзи Е вперед, угождая продолжить путь.

Цзи Е покорно сделал с десяток шагов, но затем неожиданно ухватил Дун Ли за рукав и робко спросил:

— Старший брат... Не мог бы ты превратить для меня еще один камешек в серебряную монету?

— М? Надо же, А Е впервые за весь вечер что-то просит. Приглянулось что-то стоящее? — удивился Дун Ли. Этот младший братец всегда отличался сдержанностью и никогда ничего не требовал сам. Только что он вроде бы высказывал легкое недовольство тем, что заклинатель дурит простой люд с помощью магии, и вот на тебе — сам просит серебра.

— Угу, в той лавке, мимо которой мы только что прошли, я присмотрел одну вещь.

Цзи Е не стал особо скрываться и ответил прямо. Он только что заметил там нечто до боли знакомое и, поломав голову добрую половину минуты, решил, что лучше всё-таки выкупить эту вещицу.

— В той самой лавке? — Дун Ли слегка удивился. Вкус у его младшего братца всё-таки своеобразный. — Ладно, раз А Е нравится, пусть так. Держи!

Он пошарил по карманам и вытащил слиток серебра:

— Старший брат подождет тебя здесь, сбегай туда и обратно.

— Спасибо, старший брат.

Смущенно поклонившись, Цзи Е поблагодарил его, развернулся и хромающей походкой быстро семенил обратно к тому прилавку.

Цзи Е теребил в пальцах четки из сандалового дерева, за которые отдал всего три медные монеты. Вещица и впрямь выглядела дешевой, а благовония от нее исходили до того приторные, что от них даже слегка кружилась голова — так почему же его непременно потянуло ее купить? Наверное, просто ударила в голову минутная блажь. Точно так же, как он сейчас сбежал от старшего брата на тайное свидание. К этому странному типу он всё же решил сходить.

Отсчитав от начала девятое дерево, Цзи Е увидел под плакучей ивой чью-то фигуру. Из-за расстояния черты лица разобрать не удавалось, но по мере того, как он подходил ближе шаг за шагом, стало заметно, что незнакомец носит серебристо-белую маску и черные одежды, а от всего его облика веет клубящейся демонической ци. Цзи Е тут же напрягся. Нащупав на поясе гибкий меч, он настороженно уставился на загадочного человека:

— Кто ты?

— Какой же сладкий аромат... — Черноокий мужчина повернулся к нему, глубоко втянул носом воздух, и в его голосе прозвучали откровенно фривольные нотки. — Я? Тот, кто может тебе помочь.

— Я не болен и не бедствую, помощь мне не нужна.

Цзи Е нахмурился, лихорадочно пытаясь выудить из путаных воспоминаний о сюжете хоть какой-то след, ведущий к этому незнакомцу. Он точно помнил: кроме Владыки Мира Демонов, первоначальный хозяин тела ни с кем из демонов дел не имел.

— Что? Разве твой наставник не предупреждал, в какой ты

опасности? — в голосе человека в черном сквозила сплошная насмешка.

— Ты знаком с моим наставником?

Цзи Е нахмурился еще сильнее: почему этот тон казался до боли похожим на манеру речи того бесстыдного главы секты? Тоже явился чужие земли переманивать.

— Разумеется. Имя Бессмертного Преподобного Байяня таково, что не знать его попросту невозможно.

Едва синулись с губ эти слова, как раздался рассекающий воздух свист.

Одетый в синее молодой человек с волосами цвета седого инея выглядел суровым, словно сама зима, а ледяное жало его меча молнией ринулось вперед. Человек в черном холодно фыркнул, взмахнул рукой, и клуб черной мглы обвился вокруг острия клинка. Завязался бой, в котором противник отступал, не переставая отбиваться.

Цзи Е никак не ожидал, что его наставник, сидевший в закрытой медитации, появится здесь столь внезапно. С испугу он тут же замер и почтительно отступил на шаг, превратившись в зрителя.

Схватка мастеров всегда разрешается молниеносно — не прошло и мгновения ока, как всё было кончено. Черная мглой окутала фигуру человека в черном, и тот растаял над гладью реки. Напоследок, растворяясь в бегстве, он оставил эхом раскатившийся смех и бросил фразу:

— Малыш А Е, если вдруг передумаешь — милости просим в Мир Демонов!

Цзи Е понятия не имел, какому лиху снова невольно перешел дорогу, но по словам этого демона выходило, что в нем самом таится нечто особенное, причем смертельно опасное — и Цзян Байянь прекрасно об этом осведомлен. От этой догадки взгляд Цзи Е едва заметно потускнел.

Цзян Байянь легким шагом ступил на водную гладь и в несколько прыжков очутился перед Цзи Е:

— Где твой старший брат? И что это за наряд? Что за глупые детские выходки?

Цзян Байянь боялся даже представить, что случилось бы с Цзи Е, подоспей он хоть на мгновение позже. Этот мастер демонического пути явно был не из простых: во всей демонической твердыне едва ли наберется с десятков тех, кто способен уйти живым из-под его удара. И теперь этот опаснейший человек положил глаз на Цзи Е. Цзи Е опустил голову, признавая свою вину, и, теребя собственное фиолетовое платье, выглядел крайне смущенным. Он ведь говорил, что всё это выглядит слишком странно, но злословить за спиной нехорошо,

поэтому ему оставалось лишь обиженно и капризно произнести:

— Это не вина старшего брата, просто ученик увидел полную луну и затосковал по дому. Я попросил старшего брата пойти со мной поглазеть на ночную ярмарку фонарей в миру и лишь доставил хлопот учителю. Старший брат сказал, что для выхода в люди нужно переодеться, вот мы и нарядились так.

Каждый раз, когда Цзи Е вот так, мягко и трогательно, опускал голову и признавал свою вину, у Цзян Байяня мгновенно пропадал всякий боевой настрой, и у него не хватало духу продолжать отчитывать парня. У этого ребенка была горькая судьба, к тому же он занимался культивацией совсем недолго, так что тоска по миру людей была вполне естественна.

Цзян Байянь подошел ближе, глядя на распушенные черные пряди волос Цзи Е. Великолепное фиолетовое длинное платье не только не смотрелось чужеродно на изящном Цзи Е, а напротив, придавало ему какое-то диковинное очарование. Поддавшись какому-то непостижимому порыву, он протянул руку и потрепал юношу по голове:

— Учитель вовсе не винит тебя. Просто ты еще молод, и если будешь ходить один, неизбежно привлечешь внимание нечисти и демонов. Учитель просто переживает за тебя.

— Угу-угу, ученик понимает. Но почему учитель здесь? — Цзи Е поднял голову и посмотрел на Цзян Байяня в тусклом свете уличных фонарей. На самом деле он хотел спросить, не Цзян Байянь ли подарил тот фонарь, но, подумав, счел это маловероятным, поэтому решил зайти издали и задал другой вопрос.

— Ничего особенного. Получил весть, что в окрестностях Яотая объявилось редкое сокровище, — делая вид, будто его это мало волнует, ответил Цзян Байянь. Он ведь ни за что не признался бы, что попросту волновался за ученика и решил на него взглянуть.

Эта буря завершилась мольбами Дун Ли о пощаде и очередной прогулкой. Цзян Байянь пинком отправил наглого старшего ученика подальше, после чего с чувством полного удовлетворения повел своего послушного младшего ученика обратно к месту проведения турнира бессмертных. Однако на сердце у него все же оставалась тревога: кто именно был тем демоническим практиком? Почему он нацелился на А Е? И не связано ли это с предательством А Е в прошлой жизни? Хотя внешне они оставались близки, семена сомнения уже были посеяны в его душе.

Цзи Е, за спиной которого стоял учитель, совершенно законно прорвался в финал Великого турнира бессмертных. А остальные девять мастеров, пробившиеся через мясорубку отборочных туров, не только не испытывали недовольства к столь внезапно объявившемуся сопернику, но даже прониклись к нему глубоким уважением. В конце концов, Бессмертный Преподобный Байянь занимал слишком высокое положение, и хоть этот новичок был юн, по старшинству он приходился им чуть ли не дядей-мастером.

Турнир на арене бессмертных был в самом разгаре, да и слухи об артефакте редкого сокровища Цзян Байянь выдумал не из головы — просто на этот раз речь шла о руинах, оставленных

практиком на Стадии Превращения Божества. В былые времена Бессмертный Преподобный ни за что не пришел бы сюда, но на сей раз ситуация имела совершенно иной смысл. Весь Яотай отчетливо видел, какое исключительное положение занимал Цзи Е на Пике Чанбай. Только посмотрите: сверху его балует учитель, снизу защищает старший брат — связываться с таким себе дороже.

Наконец начался долгожданный финал Великого турнира бессмертных. Цзи Е наконец-то вышел на передний план, однако всеобщему разочарованию и даже сомнениям не было предела: тот самый легендарный ученик Пика Чанбай оказался хромым?!

Цзи Е переоделся в длинные фиолетовые одежды — он лишь подсознательно чувствовал, что Цзян Байяню вроде бы нравится, когда он носит фиолетовый цвет. Раз уж объект обожания предпочитал такие наряды, естественно, стоило угодить его вкусам.

Облаченный в фиолетовые одежды Цзи Е с мечом в руке стройным тополем застыл посреди арены. Если бы не изъян левой ноги, сколько юных дев вспылало бы к нему страстью! Но именно эта хромота заставила соперника отбросить всякую бдительность. Тот изначально думал, что ему не повезло столкнуться с грозным противником, но никак не ожидал встретить калеку. Соперник уже мысленно представлял, как будет вовсю измываться над Цзи Е.

Кончик меча Цзи Е чуть опустил, он слегка качнул им вверх, развернулся вполборота и, тронув губы легкой улыбкой, поприветствовал противника:

— Брат по оружию, приветствую. Прошу проявить снисхождение.

Услышав это, молодой человек напротив переменял свое решение. По сути, это ведь можно было считать завуалированной мольбой о пощаде. К тому же этот паренек выглядел изнеженным, а улыбался до того красиво, пожалуй, стоило действительно сдержать удар. Но главной причиной, конечно же, был некий бессмертный преподобный с ледяным взглядом, восседавший на высоком помиде неподалеку. Его глаза источали такой холод, что от него можно было околеть на месте. Если он поранит его драгоценного ученика, то потом наверняка не сможет сойти с арены с чистой совестью. С каких это пор Пик Чанбай, всегда придерживавшийся политики невмешательства, стал так яростно защищать своих птенцов?

Противники обменялись поклонами, и над ареной прозвучал удар колокола.

Первым атаку неожиданно предпринял Цзи Е. Опершись правой ногой о землю, он порхнул в воздух, крутанулся волчком, и Меч Инея выписал сверкающее лезвие, метнувшееся прямо в лицо противнику.

Соперник явно не ожидал, что Цзи Е решится атаковать первым, однако натиск не казался слишком свирепым, и, подумав так, он кое-как отразил удар мечом. Цзи Е использовал силу отдачи, чтобы сделать еще один пируэт в воздухе, снова оттолкнулся правой ногой и ринулся вперед с колющим ударом.

Стиль боя Цзи Е был поистине причудливым: он заимствовал силу чужой контратаки, чтобы

запустить новый круг нападения. Из-за этого противник уставал все больше и больше, тогда как сам он сражался со всё возрастающим упоением. К тому же его техника владения мечом казалась легкой, словно летящий снег и падающие лепестки, но за ней скрывалась смертельная опасность, от которой невозможно было защититься. Зрители видели лишь мелькающие фиолетовые одежды и переливы меча, и не прошло и времени, за которое выпивают чашку чая, как исход оказался предрешен.

Цзи Е убрал меч в ножны и вновь отвесил поклон:

— Прошу прощения за доставленные неудобства. На этот раз молодой человек напротив покраснел до корней волос. Сначала публика думала, что соперник просит пощады, но теперь стало очевидно: воспитанники Пика Чанбай — мастера своего дела, и слава их заслужена. К тому же, глядя на улыбку Цзи Е, даже проиграв, невозможно было злиться. Тот парень сложил руки в приветственном жесте и произнес:

— Мастерство мое еще не отточено, премного благодарен за наставления.

Цзи Е с улыбкой стоял на арене и радостно смотрел на Цзян Байяня, сидевшего на высоком помосте. На миг от этой картины у многих закружилась голова. Бесчисленные девушки под сценой, приложив руки к груди в форме сердечек, перешептывались между собой: откуда этот юноша, до чего же хорош собой!

Цзян Байянь изначально радовался победе ученика, но, заметив целую толпу девиц, зачарованных улыбкой Цзи Е, внезапно разозлился. Этот сокровище принадлежало только ему одному, как смеют посторонние глазеть на него и бросать такие вождедеющие взгляды!

Однако проверить преданность А Е можно было только таким способом, ведь он никак не мог сделать вид, будто в прошлой жизни ничего не происходило. При этой мысли лицо Цзян Байяня похолодело, он лишь слегка кивнул, выказывая одобрение тому, что Цзи Е выиграл первый поединок.

Последующие матчи становились все более ожесточенными. Сравнить ли это с боем Цзи Е, где всё ограничилось лишь обменом ударами летающих мечей — то была сущая мелочь. Пятеро финалистов на следующий день должны были сойтись в решающей схватке «каждый сам за себя». К тому же, тройка победителей этого турнира получала право исследовать руины близ Яотай в поисках собственной судьбы и предназначения, отчего кандидаты ждали испытания с еще большим нетерпением.

Цзи Е же явно сильнее жаждал признания собственного учителя. Он подбежал к Цзян Байяню и потерся макушкой о его плечо, видом своим говоря: я такой молодец, ну похвали же меня.

Раздражение Цзян Байяня тут же растаяло. Этот ребенок рос, но с годами становился все более склонным к баловству. Он потрепал Цзи Е по голове со взглядом, полным нежной заботы.

Очарованные девицы под сценой единогласно решили, что экран утонул в розовых тонах и они сейчас упадут в обморок: только взгляните на это убийственное комбо из холодного, но любящего учителя и милого, свободного духом ученика...

После Праздника Середины Осени луна то полнела, то шла на убыль. Цзи Е стоял у Небесного источника Яотай; ночной туман постепенно поднимался над водой, а сам юноша рассеянно

перебирал на запястье бусины из сандалового дерева и зачарованно глядел на лунный свет.

Вышедший из дома Цзян Байянь как раз заметил своего вечно веселого ученика, стоящего под луной с удрученным выражением лица. В лунном свете его профиль казался еще более мягким, а сам он излучал безмятежное спокойствие. Почему он раньше не замечал, до чего же красив А Е? Одержимый неким внутренним порывом, он подошел и набросил на плечи Цзи Е собственный плащ.

— Берегись простуды, — Цзян Байянь поправил воротник плаща, неизбежно задев шею Цзи Е. Его рука полностью обогнула эту белоснежную, подобную нефриту шею, и издавалось впечатление, будто Цзи Е целиком заключен в его объятия. Цзи Е обладал превосходными навыками владения мечом, но в вопросах культивации едва перешагнул порог начальной стадии ци, да к тому же из-за проблем с ногами сильно страдал от холода.

— Учитель? — Цзи Е испуганно вздрогнул, повернул голову и, поняв, что перед ним Цзян Байянь, широко раскрыл глаза от неверия. За последнее время он немного подрос и теперь доставал учителю до плеча; стоило ему приподнять подбородок, как он тут же нос к носу столкнулся с алыми губами Цзян Байяня, и его уши мгновенно залились краской.

— Уже так поздно, почему А Е не спит, о чем ты здесь думаешь? — Цзян Байянь заметил смущение Цзи Е и нашел это забавным: его А Е вырос. По привычке он гладил длинные шелковистые волосы Цзи Е, похожие на отрезки материи.

— Учитель, что будет, если я не займу первое место? — с беспокойством спросил Цзи Е, тревожно теребя край одежды Цзян Байяня.

— Ох, так А Е переживает из-за этого, — усмехнулся Цзян Байянь. Этот ребенок никогда не гнался за славой и титулами, должно быть, просто боялся оплошать и ударить лицом в грязь перед ним. — Среди моих учеников есть ли равные тебе? Завтрашний турнир А Е непременно выиграет.

Цзи Е мысленно закатил глаза. Неужели этот высокомерный самодовольный наглец — и впрямь его холодный учитель? Впрочем, еще один человек только что бросил вызов судьбе; интересно, что он скажет, когда завтра он займет второе место? Вслух же юноша старательно кивнул:

— Ученик определенно не посрамит наставлений учителя. — И всё же с сомнением добавил: — Но вдруг...

— Никаких «вдруг». Если кто-то посмеет победить А Е, учитель убьет его, и тогда А Е всё равно станет первым.

Цзян Байянь выпалил это практически не задумываясь, а сказав, сам замер от неожиданности. Откуда у него вообще появились такие мысли? Хотя на Пике Чанбай дела всегда решали исключительно по принципу нравится или не нравится, но Секта Хэнью издавна считалась оплотом праведного пути — откуда в его голове взялись столь крамольные мысли?

Цзи Е опустил голову, мысленно размышляя: кому же ему проиграть завтра, чтобы обойтись без кровавой бойни?

Когда солнце поднялось высоко, площадь Яотай уже была заполнена людьми. Шел финальный этап Великого турнира бессмертных. Пятеро кандидатов стояли с мечами в руках на круглой

арене для поединков. Цзи Е стоял с южной стороны, а напротив него находилась единственная девушка — в роскошных ярко-алых одеждах, чей боевой меч также пылал слоями огня, ослепительно прекрасная и несравненная. То была старшая мисс обители Яотай, Яо Янь, а меч Пляшущего Пламени в ее руках являлся одним из лучших магических сокровищ мира бессмертных.

Девушка высоко держала подбородок, но во взгляде, брошенном на Цзи Е, проступало легкое смущение. В тот же мигновение Цзи Е мысленно определился с тем, кому именно он сегодня уступит победу.

<http://bllate.org/book/22179/2310959>